

UOT-811.11-112

Səhifə: 58-65

<https://doi.org/10.59849/2663-8967.2024.2.58>

Ülviyyə Abbasova
Azərbaycan Dövlət Neft və Sənaye Universiteti,
filologiya üzrə fəlsəfə doktoru, dosent

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РЕАЛИЗАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ**
*(на материале англоязычного романа Чингиза Абдуллаева
«Его подлинная страсть»)*

XÜLASƏ

Məqalə, Çingiz Abdullayevin “Onun həqiqi istəyi” romanı əsasında emosional semantikanın ifadə olunmasında antroposentrik yanaşmaya həsr olunmuşdur. Bu tədqiqat çərçivəsində müasir dilçilikdə insanın dil faktlarının təhlilində getdikcə daha çox mərkəzi bir element kimi diqqətə alınması vurğulanır. Dil və mədəniyyət arasındakı qarşılıqlı əlaqə mühüm bir əhəmiyyətə malikdir, burada antroposentrik yanaşma “konsept”, “stereotip”, “model” və “milli mentalitet” kimi terminləri aktivləşdirir. Məqalədə baş qəhrəmanların dialoqlarını və onların emosional tonlarını analiz edərək, ədəbi mətn çərçivəsində emosional leksikanın roluna diqqət çəkir. Həmçinin, burada tərcümə məsələlərinə toxunulur və qavrayışdakı fərqliliklərin emosional məzmunun ötürülməsinə necə təsir edə biləcəyi qeyd olunur. Beləliklə, araşdırma antroposentrik yanaşmanın dilin emosional aspektlərini daha dərinlən anlamağa və onların ədəbiyyat kontekstindəki əhəmiyyətini dərk etməyə imkan verdiyini nümayiş etdirir.

Açar sözlər: antroposentrik yanaşma, konsept, emosional leksika, dialoq, leksik-semantik təhlil.

Введение: Не секрет, что в центре многочисленных современных лингвистических исследований объективно оказывается человек. Точнее скажем, личность с его страстями, эмоциями, надеждами, интересами, запросами и т.п. Если это действительно так, то абсолютно закономерна фиксация учёных не столько на самих значениях языковых единиц, сколько на их пространственно-временном фоне, разумеется, в то или иной степени отражающем деятельность человека. Следовательно, особую важность и актуальность в наши дни приобретают те лингвистические исследования, в которых обнаруживается так называемый антропоцентрический подход к изучению различных языковых фактов. Необходимо заблаговременно отметить, что этот подход в первую очередь актуализирует несколько терминов и соответствующих понятий одновременно. Симптоматично, что интересующий нас подход к языковым фактам и явлениям в последнее время всё чаще анализируется в контексте проблем культуры.

Одной из первых и показательных работ в этом плане явилось исследование Т.В. Писановой [4]. Фактор, определяющий место её докторской диссертации среди ряда других лингвистических исследований, заключается в намеренной её ориентированности на стандарты лингвистической семантики. Причём, заметим, что эти стандарты автором понимаются узко, то есть, по её представлениям, в данном случае конструктивно, а также широко, в контексте духовной и социальной культуры. Одновременно с тем эта работа интересна нам ещё и тем, что в ней очень много ценностной информации относительно реализации эмотивных смыслов в текстах разных типов, включая (как видно из названия её докторской диссертации) художественные. Правда, не на базе перевода с русского на другие языки. Социо-культурный аспект в труде Т.В. Писановой оказывается естественным связующим звеном между лексико-семантическими оценочными системами и категорией общения между литературными героями.

Диссертация Т.В. Писановой была написана уже в относительно далёком от нашего времени 1997 году, но, выводы и обобщения, сделанные учёным, до сих пор не потеряли

своей актуальности. Во-первых, впервые в лингвистике было обстоятельно объяснено, как два вышеуказанных подхода контактируют, вместе с тем противопоставлены друг другу. Во-вторых, в русле темы, обозначенной в заголовке нашей статьи, до сих пор не опровергнут взгляд на вышеназванные подходы к языковым фактам и явлениям, которые в той или иной степени (в зависимости от цели исследования и замысла автора сочинений) позволяют анализировать эмотивное пространство художественных текстов. В-третьих, в теоретических положениях, изложенных в работе Т.В. Писановой, проблема взаимоотношения языка и культуры рассматривается, прежде всего, через призму когнитивной организации эмотивного потенциала семантических единиц – отдельных слов и словосочетаний, связанных с обозначением эмоций человека.

Но оказывается, в этих рассуждениях есть как сила, так и слабость выводов и обобщений. Сила, по нашему усмотрению, в том, что при использовании авторами эмоций найдена гармония между антропоцентрическим подходом, с одной стороны, и коммуникативным, прагматическим, иллокутивным и когнитивный эффектом – с другой. Слабость в том, что все эти понятия не столько взаимно дополняли друг друга, сколько противоречили.

Нам удалось обнаружить, что это противоречие попытался снять видный азербайджанский учёный-лингвист – А.Мамедли. В одной из своих статей по этому поводу он, в частности, пишет: «Существуют различные мнения относительно характера концептуального оформления того или иного явления, понятия в сознании человека. Например, одно и то же понятие, применяемое в современном языке или любой другой науке, по-разному воспринимается людьми. А именно, каждый понимает его сущность и содержание с высоты своего положения, рефлексировать по поводу его функционирования в языке. Антропоцентрический подход к изучению языковых фактов актуализирует одновременно несколько терминов и соответствующих понятий. Так важнейшими для антропоцентрического дискурса становятся такие понятия, как, к примеру, «концепт», «стереотип», «образец», «фоновая информация», «национальный менталитет» и другие. Следует подчеркнуть, что ни одно из этих понятий, равно как факты, относящиеся к коммуникативным явлениям и когнитивной лингвистике, нельзя воспринимать категорично и однозначно. Наконец, укажем, что далеко не для каждого востребован весь объём представляемой языковой информации в целом. Так происходит и в тех случаях, когда мы говорим о некоторых противоречиях, иногда возникающих между антропоцентрическим подходом, с одной стороны, и нормами когнитивной лингвистики – с другой. Однако мы убеждены, – завершает свою мысль Аслан Мамедли, - что это противоречие не существенное и вызвано оно, скорее, естественными, то есть природными факторами» [3, с.12-13]. Исходя из преамбулы, вкратце разъясняющий термин «антропология» в современной лингвистике, приступим к реализации некоторых эмотивных смыслов, используемых видным азербайджанским писателем Чингизом Абдуллаевым на материале романа Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть».

Начнём наш краткий обзор с названия романа. В нём явно угадывается некий провокационный вопрос, центром которого является эмоция. Она и пронизывает всю сюжетную ткань романа. Чья страсть? В чём её сущность? Можно ли её победить или это приобретённое в работе и неискоренимое чувство? «Страсть» - это лексема с очень яркой акцентирующей функцией. Она вынесена в сильную текстовую позицию и, бесспорно, обладает выраженным эмотивным смыслом. Именно на нём автор намеренно сконцентрировал основное читательское внимание; в нём и трёх последующих эпиграфах в романе имеется нацеленная ориентация писателя на восприятие и осознание соответствующего содержания. А оно выдержано Ч. Абдуллаевым в ясных эмоциональных тональностях.

С любопытным и крайне редким исключением мы сталкиваемся в переводе названия этого произведения. Оно не адекватно с сугубо грамматической точки зрения, но целевое с позиции лексико-семантической. Объяснимся. «His greatest passion» дословно означает «Его

величайшая страсть». Понятно, что для «своего», то есть русскоязычного читателя Ч. Абдуллаев имел в виду иное. А именно: по ходу текста выясняется, что писателя интересовали не столько собственно хобби, сколько истинное профессиональное пристрастие главного персонажа – сыщика Дронго. Оно не является «величайшим» в буквальном смысле слова. Его семантический тезаурус намеренно снижен автором до уровня каждодневного упорного труда. Однако перед нами тот редкий случай, когда переводчик вплотную сумел приблизиться к миропониманию читателя Британии.

Так, общеизвестно, что роман «Его подлинная страсть» [2], вышедший в Москве в 2018 году, является сотой и более по счёту книгой о прославленном сыщике. О центральном персонаже многих предыдущих произведений Ч. Абдуллаева в целом хорошо осведомлён русскоязычный азербайджанский читатель, и потому смысл названия для него прозрачен. Но для англоязычного читателя требовалось бы дополнительное пояснение. Во избежание этого, переводчик избирает совершенно точную лексему «greatest», что «на слуху» носителя родного языка эмоционально приподнимает в глазах национального читателя образ персонажа (как понимаем, русскоязычному азербайджанскому читателю это будет излишним). Нам же важно подчеркнуть, что такой точный перевод именно с лексико-семантической точки зрения оправдывает целевой эмотивный смысл слова «страсть».

В свою очередь, это ключевое слово уже в самом тексте романа распространяет лексема «тайна». Мы решили подсчитать параллельное употребление этих двух слов на протяжении только одной вступительной главы, и оказалось, что они следуют попеременно друг за другом, словно по цепи, в пропорции: 14 x 14. Ясно, что это не случайно. Возможно, специально таким скрупулёзным подсчётом писатель и не занимался, но здесь, на наш взгляд, сыграл свою роль психологический эффект «зеркального отражения ситуации». Проще сказать, за всеми риторическими вопросами, связанными с «подлинной страстью» персонажа, следует лексема «тайна». Первое слово сопровождает второе, оно же, в свою очередь, является следствием первого. Эта сцепление двух слов и выражено в эпитафиях. Приведём их в переводе на английский язык: 1. Did you ne'er hear say, Two may-keep counsel, putting one away. 2. Keeping a secret is the hardest thing. A secret is best kept by someone who doesn't know it. 3. We find that different people have the same number of passions, though every time they are given a different name and different value and, therefore, diverge. Good and Evil are distinguished from one another by the difference in the hierarchy of passions and dominance of goals.

Итак, перед нами три эпитафия, в которых использованы две указанные лексемы. Они взяты автором из трёх разных источников. Первый принадлежит У. Шекспиру, второй – Али Эфенди, третий – Фр. Ницше. Как видим, это титаны, но каждая из приведённых цитат обладает индивидуальным почерком. Английский драматург пишет о тайне с откровенной издёвкой. (Её, в сущности, нет). Восточный мыслитель относится к ней скептически, но без налёта иронии. Немецкий философ вплетает тайну в бурю страстей и фактически не отделяет одно понятие от другого.

Нас интересуют приведённые цитаты прежде всего с позиции обрамления фрагментов речи эмотивными номинациями. Хотя их только две, тем не менее, их введение в текст как бы подготавливает читателей к общему содержанию романа в целом, что и будет показано нами ниже. Первый фрагмент – поэтический (цитата из трагедии «Ромео и Джульетта»), и по законам этого жанра объективированной манере повествования противостоит своеобразная исповедь-монолог от первого лица. Видный современный исследователь А.А. Торшин указывает: «К анализу содержания любого фрагмента поэтического сочинения, равно как и тексту в целом правильнее всего подходить с установления его принадлежности к интуитивной лирике – любовной, пейзажной, философской, то есть с выявления главного объекта в художественном познании. Иногда эмоции выступают здесь в такой обнажённой форме, что сокрытая в них загадка, секрет, тайна какого-либо явления камуфлируется мнением автора» [5, с.244-245].

Исследователь не употребляет выражений «эмотивный смысл», поле или

пространство (это не входит непосредственно в задачу лингвистического анализа поэтического текста), однако, сосредоточение на эмоциях в сущности обозначает искомое для нас понятие. В данном случае шекспировская ирония нивелирует «тайну» как потенциальную возможность сохранения кем-либо секрета. Но ясно, что заслуги переводчика здесь нет; перед нами подлинный текст английского драматурга. Эпиграф № 2 есть рассредоточение данного слова с эмотивным значением. Цитата из Али Эфенди с двойным повтором названной лексемы фактически представляет собой развёрнутый фрагмент со скрытой внутренней речью в структуре образа персонажа. Он будет назван уже в самом тексте романа. (Подразумевается детектив Дронго). Этот эпиграф – только внешнее прикрытие идеи самого автора, что передано специфичной для английского языка конструкцией «указательное местоимение + глагол в Present Indefinite». Наконец, эпиграф № 3 – это усложнённый вариант первых двух. Здесь «тайна» полностью подчинена «страсти», то есть другому стержневому слову с безоговорочным эмотивным смыслом. Здесь постпозитивное именное сочетание «The same number of passions» принимает характер комментария. Эта эмоция многозначна, и потому она репрезентируется как двойным повтором («A different name and different value»), так и разноплановой оценкой («Therefore, diverge»). Иными словами, подчёркивается, что каждый человек воспринимает и соответственно оценивает страсти по-разному. Так, во всяком случае, трактует немецкий философ. Вызывает явное сомнение прилагательное «Diverge». Нам кажется, что здесь допущена серьёзная техническая ошибка. Например, в издании «Англо-русского словаря» значится: 1). Расходиться; 2). Уклоняться от чего-либо или отклоняться; 3). Отходить (например, от нормы, стандарта) [1, с.213]. Даже не говоря о специальной стилистической помете, невооружённым глазом видно, что это слово обозначает не черты характера и, следовательно, «не расходящиеся в разные стороны страсти», но технические параметры того или иного прибора, новшества и т.п. Норма, стандарт – эти лексемы указывают исключительно на нематериальные свойства предметов. Между тем, Ницше имеет в виду именно человеческие эмоции, и их, по нашему мнению, следовало передать другим прилагательным – «Many-sided» или же «Versatile».

На это, как «разносторонний» и «разнонаправленный» объект, включаемый в эмотивное пространство художественного текста, и указывает «Русско-английский словарь». Техническое; Математическое: треугольник, а также о характере человека, его страстях и эмоциях. Таким образом, эти лексемы предпочтительнее и, самое главное – максимально приближены к цитате. Более того, на наш взгляд, эпиграф № 3 подобран Ч. Абдуллаевым с конкретной целью: две лексемы – «тайна» и «страсть», в результате тесного переплетения полностью покрывают эмотивное пространство текста. Небезынтересно отметить, что на этих понятиях-чувствах, главным образом, практически и строится всё романное повествование.

Помимо отмеченного, эпиграф № 3 обладает ещё одним важным для темы нашей статьи свойством: он репрезентирует эмотивные лексемы «Зла»/ «Добра», также разводя эти понятия в разные стороны. Безусловно, здесь речь идёт о борьбе извечных нравственных категорий. В данном романе Добро и Зло имеет прямое и непосредственное отношение к «подлинной страсти» Дронго, то есть входит в структуру образа персонажа.

Роль и значение лексем с эмотивным содержанием в трёх приведённых эпиграфах глубже раскрываются в романе. С самого начала повествования ставится вопрос: в чём подлинная страсть Дронго? Иными словами, в тексте повторяется фраза, вынесенная в заголовок этого произведения. Причём, многократно, варьируясь в своих оттенках. Однако суть эмотивной лексики остаётся неизменной. Друг и соратник Дронго – Эдгар Вейдеманис (второе по значимости действующее лицо в этом романе) неоднократно спрашивает его об этом. И прежде чем непосредственно приступить к лингвистическому анализу указанной лексики, приведём соответствующие варианты вопросов и ответов. Заблаговременно отметим: реализация интересующих нас эмотивных смыслов в художественном тексте происходит исключительно в форме диалога двух героев. Покажем это на примере

отдельных фрагментов. Их несколько, некоторые однотипны, поэтому решаем привести, на наше усмотрение, самые яркие и показательные.

Итак, фрагмент № 1: «I know. Chess isn't your passion, it is mine», Edgar smiled. I was serious chess player at one time» [6, с.6];

Фрагмент № 2. «Agreed, it is more of a game for me, an intellectual diversion», Drongo smiled.

— «So, what are your passions, then? It is definitely not chess. May be your investigations? You don't love your work all that much and you certainly don't love the «character's» that you catch [6, с.6];

Фрагмент № 3. – «Women, then? How much have there been»? «Just don't tell me you understand women. Though may be you do, thinking of all your assignations» [6, с.6-7].

Фрагмент № 4. «Then what is my real passion?». Drongo surprised himself by saying. «I hope you don't think it's money» [6, с.7].

— «Now that is stupid. How many times have you turned down a fee? You're too independent and rich to be a slave to that particular passion» [6, с.8].

Итак, мы привели четыре фрагмента текста романа приблизительно одного объёма. Между ними, бесспорно, имеется тесная тематическая связь, стержнем которой является вышеозначенная и другая эмотивная лексика. В то же время, как будет показано ниже, каждый из этих фрагментов имеет индивидуальную языковую окраску. Подчеркнём, что в структуре двух персонажей, вступающих в диалог, имеется, как правило, определённая разница. Она заключается в том, что при тесной связи с изображаемым миром реальной действительности, герои всё же оказываются в неравном положении. Один из них владеет информацией в меньшей степени по сравнению с другим. Отсюда в диалогах вытекает и разница в диапазоне эмотивного пространства; чаще всего скученность и напряжённость в художественном воплощении данной лексики выше не в вопросах, а в ответных репликах. Такое явление наблюдается по той простой причине, что собеседники находятся по разные стороны информационных запросов. Рассмотрение эмотивных смыслов, воплощённых в репликах героев, с различных текстовых позиций соответственно определяет их разновидности. Уровень владения информацией предоставляет возможность разбирать сеть эмотивных смыслов по разным рангам значимости в текстовом диалогическом единстве.

Итак, фрагмент № 1 представляет собой подступ к основной теме нашего исследования. Один герой (Эдгар Вейдеманис – Э.В.) выпытывает у другого (Дронго – Д.)¹, «в чём его подлинная страсть» или же, каким эмоциям он более всего подвержен? И уже в самом обычном риторическом вопросе («Chess isn't your passion, it is mine») содержится разная степень эмоциональной компетентности. Ставя вопрос в такой плоскости, Э.В. имеет на это все основания, так как они были давними шахматными партнёрами. Однако Э.В. не владеет информацией вовсе, но лишь предполагает. Д., напротив, имеет полную информацию о своих страстях и эмоциях на данный счёт, но раскрывает их только в самом конце их беседы. Поэтому Э.В. закономерно выясняет, шахматы ли являются подлинной страстью Д? Это сопровождается последующими словами: «I was serious chess player at one time».

Примечательно, что эмотивное пространство всех дальнейших диалогов построено на игре «света и теней». Э.В. спрашивает, предполагает, но не угадывает. Он словно прошупывает партнёра с разных сторон на предмет его пристрастий. Показательно, что все диалоги между Э.В. и Д. ярко отражают общую эмоциональную атмосферу беседы. С помощью эмоций Э.В. фактически вызывает собеседника на откровенность, однако, на протяжении некоторого времени её не добивается. Первый относится к предмету страстей второго с предельной долей серьёзности. Любопытно, на наш взгляд, также проследить за различным уровнем эмоционального накала. Так, Д. отвечает с иронией, эпизодически переходящей даже в самоиронию. В этом мы видим одну из особенностей воплощения

¹ Примечание: для удобства в дальнейшем обозначим персонажей литерами Э.В. (или Э) и Д.

эмотивной лексики в диалогах этого романа Ч.Абдуллаева. Это точно передано и в переводе фрагмента № 2. «It is more of a game for me, an intellectual diversion». Читатель понимает, что Д. иронизирует, так как шахматы всё же не являются его подлинной страстью. Тем самым диалог в двух фрагментах, основанный на одной, но при этом центральной эмоции, камуфлирует предмет беседы.

Между тем второй фрагмент объективно отличается от первого по некоторым признакам. Прежде всего укажем на то, что фрагмент № 1 состоит из двух распространённых предложений, причём, настолько тесно связанных между собою грамматически и лексически, что в переводе, на наш взгляд, целесообразнее было бы поставить между ними знак точку с запятой. [;]. Более никаких нареканий здесь быть не может. Фрагмент № 1 с опорным словом «страсть» характеризуется крайней не развёрнутостью. Это типичное выражение фразового эмотивного смысла для одной лексемы с минимальным контекстом.

Помимо отражения грамматических и лексических норм, второй фрагмент характеризуется специфической содержательностью. То есть, свидетельствует уже о заинтересованности Э.В. в реальной страсти Д. Поэтому перечисляются предметы, явления или понятия, связанные с его пристрастиями. Если не шахматы, то, возможно, судебные процессы, точнее, расследования, которые непосредственно ведёт Дронго. Во-первых, подчеркнём, что, в отличие от фрагмента № 1, здесь иная структура. Здесь уже реконструируются эмотивные смыслы с ключевым словом «страсть» не на уровне фразы, но именно фрагментов. Во-вторых, последние две фразы носят комментирующий характер. Они дополняют первое предложение. В-третьих, устами Э.В. в двух последующих предложениях отражено некоторое сомнение в том, что же в действительности является подлинной страстью Дронго. Причём, третья фраза повествует об известной доле неуверенности в своих предположениях. Однако напрямую эти чувства Ч. Абдуллаевым не названы (они будут постепенно раскрываться в зависимости от ответных реплик Дронго уже в третьем фрагменте).

Фрагмент № 3 логически продолжает тематическую линию, начатую в предыдущих текстовых отрезках речи. Эмотивное поле здесь репрезентируется уже двумя лексемами: «страсть» и «чувство». Введение любовного мотива, на наш взгляд, закономерно вписывается в общий контекст этого фрагмента, так как основная задача Э.В. заключается в установлении истины по настоящему вопросу. Однако любовная линия тематически здесь оказывается не развитой и замкнута автором в границах одной фразы. «Women, then?». Но, как и в двух других случаях, Э.В. только зондирует почву; выяснение истины всецело зависит от будущих ответов собеседника.

Наконец, фрагмент № 4 переключает эмоции в другой регистр – деловую сферу интересов собеседника. Но в отличие от предыдущих, он носит своеобразный характер. Отвечая на многократные повторы Э.В., Дронго задаёт вопрос самому себе: «Then what is my real passion?». И потому выглядит вполне естественным, что этот вопрос сопровождается чувством удивления, которое усиливается ещё и от того, что задающий сам на него и отвечает: «I hope you don't think it's money» [6, с.7]. Таким образом, в данное эмотивное поле со словом «страсть» органично вписывается также «удивление», смешанное с определённой долей сомнения как в вопросе, так и ответе.

Заключение: В рамках статьи мы осознанно сосредоточили внимание только на нескольких словах. Но убеждены, что и на этом материале несложно прийти к выводу, какую большую роль играет эмотивная лексика в художественном тексте. Тем более, если эта лексика отражает чувства и профессиональные пристрастия человека, что полностью оправдывает антропологический подход к их реализации. В нашем случае материалом для стати послужил роман Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть».

Список использованной литературы

1. Англо-Русский словарь. М.: Русский язык, 1992, 841 с.
2. Абдуллаев Чингиз. Его подлинная страсть. Роман. М.: Издательство «Э», 2018, 318 с.
3. Мамедли А.М. Язык науки: фоновая информация и проблемы образной концептуализации // Русский язык и литература в Азербайджане, 2012, № 3, с. 12-14.
4. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. Дисс. ... д-ра филологических наук. Москва: МГУ, 1997, 315 с.
5. Торшин А.А. Произведение художественной литературы. Основные аспекты анализа. М.: Наука Флинта, 2006, 256 с.
6. Abdullayev Chingiz. His greatest passion. Baku: TEAS Press Publishing House, 2018, 225 p.

Аббасова Улвия

***Антропоцентрический подход в реализации
некоторых эмотивных смыслов (на материале англоязычного
романа Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть»)***

Резюме

Статья посвящена антропоцентрическому подходу в лингвистических исследованиях, исследуя реализацию эмотивных смыслов на примере романа Чингиза Абдуллаева «Его подлинная страсть». В работе подчеркивается, что современная лингвистика все чаще ориентируется на личность как на центральный элемент анализа языковых фактов. Важным аспектом является взаимодействие языка и культуры, где антропоцентрический подход активизирует такие термины, как «концепт», «стереотип», «образец» и «национальный менталитет». Статья акцентирует внимание на роли эмотивной лексики в художественном тексте, анализируя диалоги главных персонажей и их эмоциональную окраску. Рассматриваются также вопросы перевода, отмечая, как различия в восприятии могут повлиять на передачу эмоционального содержания. Таким образом, исследование демонстрирует, как антропоцентрический подход позволяет глубже понять эмотивные аспекты языка и их значимость в контексте литературы.

Ключевые слова: антропоцентрический подход, концепт, эмоциональная лексика, диалог, лексико-семантический анализ.

Abbasova Ulviyya

***The Anthropocentric Approach in the Implementation of Certain Emotive Meanings
(Based on the English-language Novel by Chingiz Abdullayev “His Greatest Passion”)***

Abstract

The article is dedicated to the anthropocentric approach in linguistic studies, exploring the implementation of emotive meanings through the example of Chingiz Abdullayev's novel "His Greatest Passion." The work emphasizes that modern linguistics increasingly focuses on the individual as a central element in the analysis of linguistic facts. An important aspect is the interaction between language and culture, where the anthropocentric approach activates terms such as “concept,” “stereotype,” “model,” and “national mentality.” The article highlights the role of emotive vocabulary in the literary text by analyzing the dialogues of the main characters and their emotional connotations. It also addresses translation issues, noting how differences in perception can affect the conveyance of emotional content. Thus, the study demonstrates how the

anthropocentric approach allows for a deeper understanding of the emotive aspects of language and their significance within the context of literature.

Keywords: *anthropocentric approach, concept, emotive vocabulary, dialogue, lexico-semantic analysis.*

Çapa tövsiyə edən: *Azərbaycan Dövlət Neft və Sənaye Universiteti*

Rəyçilər: *professor Sənubər Abdullayeva
dosent Qətibə Mahmudova*